

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нежданная беременность

ЮЛИЯ РЯБИНИНА

Юлия Рябинина

Желанная беременность

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рябинина Ю.

Желанная беременность / Ю. Рябинина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Кто бы мог подумать, что 14 февраля станет самым страшным днем в моей жизни. Потерять в День всех Влюбленных мужа, а через 9 дней после его похорон - еще и неродившегося ребенка, означало для меня только одно - крах. Но неожиданно появляется еще один шанс стать матерью, и я им воспользуюсь во чтобы то ни стало. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 4	21
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

—Леха-а-а-а, Леха-а-а, тащи сюда ножницы быстрее!!! Давай, зажимай здесь! Да быстрее режь. Твою мать... Боря, тащи свой тощий зад сюда, смотри, бензин вытекает, твою мать, где огнетушители?! Вы что рты пооткрывали.

— Дык, Михалыч, а как резать, а вдруг искру выбьет?

— Руками, Леша, руками, это не искру выбьет, а мозг твой водка в кисель превратит, — надывается мужской голос, раздавая всем команды, пытается перекричать несмолкающий звук сирен.

— Боря, беги к пожарной машине, тащи песок... ну, что вы, в самом деле, как в первый раз!

И наступает тишина. Я пыталась пошевелиться, но мне что-то мешало, как будто тело было чем-то придавлено. Склоняю голову чуть вперед и тут же проваливаюсь во тьму.

— Боря, мать твою, да мертвый быстрее бежит, чем ты! — снова слышу зычный голос, который меня словно выталкивает из-под толщи воды, и звуки обрушиваются на меня, оглушая.

Что происходит? Хочу открыть глаза, но не получается.

— Боря сыпь тут! ... твою мать, Леша, давай режь, ты видишь, там мужик и женщина еще шевелятся, значит, живые. А если ты будешь корячиться, то трупы придется вытаскивать, вместо живых.

— Дык Михалыч, а бенз?

— Аккуратнее, значит, надо работать...

И следом барабанные перепонки разрывает звук какого-то визжащего инструмента и дикий скрежет металла о металл. Морщу лоб и пытаюсь руками закрыть уши, но не могу.

— Леха, давай режь с пассажирской стороны, там вроде все сухо... и аккуратнее, не то взлетим все нахер...

Мужской голос поглощает громкий едкий дребезжащий звук..

— М-м-м-м, — чуть открываю рот и пытаюсь шевельнуть плечами, — Валера-а-а-а... — поворачиваю голову в сторону мужа... щелчок, и меня накрывает тишина, уши закладывает, и я будто тону, ухожу на дно водоема.

Скрежет ломающегося металла вырывает меня в явь, и от этого неприятного звука сводит челюсть.

— Носилки сюда!!! — кто-то орет прямо над ухом.

— М-м-м-м...

— Тише-тише дамочка, все будет хорошо, с вами все будет в порядке.

— Боря, попробуй открыть дверь, может, пойдет, — слышу уже знакомый голос мужчины. А следом раздался короткий треск и лязг металла.

— Товарищи, пропустите.

Чувствую, как меня берут под мышки и под бедра, вытаскивают из машины.

— Валера-а-а, — сухой голос царапает горло.

— Валера — это водитель?

Я киваю, и снова щелчок, и снова я проваливаюсь в бездонный океан темноты.

— У нее сотрясение, насколько серьезно, неясно... Зрачки не реагируют на свет, Светлана, зафиксировали...

— Кто вы? — вырванная из объятий беспамятства женским голосом, спрашиваю хрипло.

— Врачи скорой помощи. Женщина, у вас есть аллергия на препараты? Смотрите сюда, вы меня видите?

Я отрицательно качаю головой, но при этом чувствую, как прохладные пальцы расширяют мне веко.

– За-а-акрывай дверь!!! – раздается дикий крик, и следом взрывная волна подкидывает мое тело в воздух.

Миг полета в невесомости и болезненный удар спиной о твердую поверхность. В голове что-то лопается и снова темнота.

Оглушающий удар. И...

– А-а-а-а-а-а! – вдыхаю полной грудью и открываю глаза. – Валера, поворачивай! – голос срывается на крик. В глаза бьет ярким светом.

Пик... пик... пик...

Ошеломленная, я оглядываюсь по сторонам, и сердце начинает стучать чаще. Я откидываюсь на подушку и фокусирую взгляд.

Пик... пик... пик... пик...

Учащается писк справа от меня, и я поворачиваю голову в этом направлении.

– Даша, дыши спокойно, – медленно выдыхаю, а у самой слезы в глазах от осознания того, что я нахожусь в больнице, подключенная к аппарату.

Значит, это не сон. Мы действительно попали в аварию.

Подбородок предательски начинает трястись, и низ живота простреливает острая боль. Трясущимися пальцами сжимаю его. Не хочу верить в страшное, но предчувствие беды закрадывается в голову, и меня пронизывает животным ужасом. Мне нужен врач... доктор... да плевать. Нужен кто-то, кто может внести ясность в происходящее. Где Валера, что с ним? Что с ребенком?

Болевой спазм заставляет согнуться пополам, и я закусываю губу, стараясь сдержать крик, рвущийся наружу.

– Помогите! – кричу в тот момент, когда боль отпускает, и я могу сделать вдох. – Помогите!

Жду. Никого нет.

Раз.

Два.

Три.

Набираю в легкие воздух, чтобы крикнуть снова... и дверь открывается. От облегчения меня начинает трясти озноб, и слезы безудержно льются из глаз.

– Господи, что вы творите? – медсестра мгновенно оказывается возле моей кровати. – Неужели себя не жалко?

– У меня живот очень болит, – хриплю ей в ответ.

– Сейчас все поправим, сделаю вам укол обезболивающего, – она ловко орудует с медицинскими принадлежностями.

Я не успеваю переводить за ней взгляд, но от ее ответа у меня замерло сердце.

– Обезболивающее? Мне нельзя, я беременна.

Ее руки на мгновение замирают, когда она поправляет мне иглу-бабочку на предплечье, я хватаю ее за руку.

– Я беременна?!

Когда женщина переводит на меня взгляд, я все понимаю без слов.

– Нет, нет, нет, – отталкиваю ее руку, – не может быть! Это не правда! Молчите!!! Не хочу ничего слышать!!!

Я словно обезумела. Начинаю метаться по кровати, сдергивая с себя все капельницы и еще бог знает какие шнурки.

– Женщина, успокойтесь! – кричит мне в лицо медсестра и пытается прижать плечи к кровати.

А потом я услышала протяжный тонкий звук сирены над головой. Я бьюсь в припадке, подвывая и рыча одновременно. Сквозь пелену влаги, застилающую глаза, вижу, как надо мной возникает еще пара голов.

– Сделайте успокоительное, у нее припадок, – говорит медсестра, а я пытаюсь дернуться, но мое тело зафиксировали сильные руки, придавив с двух сторон к кровати.

– Нет, прошу, не надо, вы навредите ребенку, – сиплый голос рвется из горла.

– Навредишь ему ты! – рывкает на меня медсестра. – Ты что творишь?

Я не почувствовала, как мне ввели иглу в вену, но ощутила, как прохладная струя лекарства холодит ее, перекачиваясь из шприца в меня.

– Ребенок... я беременна... мне нельзя принимать никакие лекарства, – словно в бреду, шепчу бессвязно, – ничего... нельзя...

– Девушка, милая, успокойся, – голос медсестры становится мягче, – все в порядке, беременность сохранена, и все страшное позади, – она подносит к моим губам стакан с водой. – Вот, выпей.

Я приподнимаюсь на локтях, и одновременно с этим действием приходит понимание, что кроме нас в палате больше никого нет. Я мельком бросаю на нее взгляд поверх стакана, делаю мелкие глотки.

– Спасибо, – отдаю обратно тару, даже не опустошив до середины. – Извините за это... просто...

– Не переживайте, я все понимаю, а сейчас ложитесь отдыхать. В вашем положении нужно заботиться не только о себе, но и о ребеночке, – она мило улыбается, и я проникаюсь к женщине добрым чувством.

Поворачиваюсь на бок, вытягивая руку так, чтобы не сдернуть капельницу. Я уже закрыла глаза и начала проваливаться в сон, когда... Валера.

– А вы не подскажите, как там Валера? Муж мой, нас должны вместе были привезти.

Но в ответ тишина. Поворачиваю голову к двери... в палате пусто. Видимо, успокоительное мне вкололи сильное, потому как очень сильно клонит в сон, веки наливаются свинцом, и нет сил сопротивляться, закрываю глаза и проваливаюсь в мягкую вату.

Глава 2

Ссутулившись, я сижу перед следователем и медленно перелистываю белые листы в файлах закрытого дела.

– Вам очень повело, – слышу слова мужчины, когда рука замирает над фото с изображением нашего седана.

Морда машины вывернута наизнанку. Как будто большой железный робот взял и перекрутил ее, выжимая. На переднем сиденье за разбитым стеклом я вижу себя, а рядом Валеру. Его грудная клетка придавлена подушкой безопасности, и над ней торчит его голова. Моя подушка не сработала, но у меня и без того были всего лишь пара царапин и небольшое сотрясение.

– Еще раз примите мои соболезнования, – деловито говорит следователь, – жаль, что так все произошло. Первый раз сталкиваюсь с таким, если честно.

Я продолжаю хранить молчание, лишь поправляю черную траурную шляпку. Переворачиваю следующий лист и прижимаю натянутую в перчатку ладонь ко рту.

– Дарья, вы уверены, что оправились?

Мужчина, не вставая с места, крутанул в кресле, и через минуту передо мной стакан воды, а рядом – фото с остовом обгоревшей машины. Дрожащими пальцами сжимаю стекло и, стараясь не расплескать содержимое, делаю глоток... следом еще... и еще.

– Дарья, вы бы поберегли себя, вы ждете ребенка – помните об этом, – он тянет папку к себе и захлопывает, – я пока ее оставлю у себя, – прячет ее в стол, – а как все судебные дела закончатся, свяжусь с вами. – Я коротко киваю и инстинктивно кладу руку на живот, растопыривая пальцы, словно прикрывая его. – Вот тут подпишите, что с материалами дела ознакомлены, – он кладет передо мной заполненный бланк и тыкает пальцем, где нужно расписаться. – Михаил! Михаил! Проводи девушку до дверей, – кричит следователь кому-то мне за спину.

– До свиданья, – поднимаюсь из-за стола и поворачиваюсь к Михаилу.

– До встречи, Дарья Михайловна, – отвечает мужчина, и я быстро выхожу из кабинета.

– Направо, – командует идущий сзади полицейский, – теперь налево и прямо до конца.

Я уже почти бегу, потому что в помещении спертый запах, пропахший мужчинами. Чувствую мужской парфюм, и от этой вони меня начинает штормить и тошнить. Цепляюсь за стены и, пошатываясь, все-таки дохожу до двери, отказавшись от помощи молодого полицейского.

– Вам точно не нужно вызвать такси? – не унимается парень.

– Нет, спасибо, все уже хорошо.

Не оглядываясь больше, спускаюсь по железным порожкам и через пропускной пункт выхожу, наконец, на широкий тротуар.

Зимний солнечный день радует теплом, но я отчего-то не могу согреться. Под солнечными лучами ежусь и сильнее кутаюсь в черный удлиненный пуховик. Может быть, зря я отказалась и не вызвала такси?

Голова неожиданно закружилась, а горло перехватывает спазм. Я, прижав руку к шее, делаю шаг в сторону и опираюсь на небольшое деревце второй рукой и пытаюсь сделать вдох через нос. За спиной слышится шелест отъезжающих в сторону решетчатых ворот. Поворачиваю голову посмотреть, но в глазах темнеет, и я, испугавшись, что упаду, вцепляюсь в шершавый ствол. И обязательно свалилась бы на землю, но меня подхватывают сильные руки.

– Девушка, с вами все в порядке?

А я чувствую, как к горлу подкатывает комок тошноты, и сдержать его нет сил. Я пытаюсь отстраниться от мужчины.

– Отпусти... буээээээ...

Куда меня стошнило, я увидела только после того, как ко мне вернулось зрение. Перед глазами светлые штанины джинсов и светло-бежевые замшевые ботинки. Медленно, чтобы вновь не закружилась голова, разгибаю спину и поднимаю взгляд на мужчину... нет, на парня. Передо мной стоит высокий симпатичный парень. На его лице застыла маска брезгливости, и он поочередно смотрит то на меня, то на облеванную одежду и обувь.

– Ээээ....

– Ой, – я снова закрываю рот, потому что новый спазм скручивает живот, но теперь я отхожу от парня подальше.

Он делает шаг ко мне, но я поднимаю руку, и меня снова выворачивает. Боже, почему мне так плохо? А еще я забыла воду. Сейчас бы водички глоток... и еще этот парень, лучше бы его и не было, мне и так стыдно, что со мной все это случилось на улице, а теперь еще и перед ним смущаюсь.

– Ну что встали? Идите-идите! Не видите, девушке плохо...

– Напьюсь с утра пораньше, а потом блюют где попало, – слышу сквозь шум в ушах старческий дребезжащий голос. И мне так обидно становится. И слезы на глазах сразу выступают. Плечи от сдерживаемого рыдания начинают подрагивать.

– Не обращайтесь внимания... старики, – слышу голос за спиной, и перед лицом возникает бутылка минеральной воды. В груди теплом разливается благодарность к этому незнакомцу. Открываю и выливаю немного воды в ладонь, плескаю в лицо – легкий морозец сковывает кожу холодом. Прополаскиваю рот и делаю глоток.

– Полегчало?

Качаю головой, и тут же щеки вспыхивают румянцем, когда поднимаю на него взгляд.

– Извините, я не хотела... – борюсь с огромным желанием начать оправдываться – ведь я ни в чем невиновата.

– Разрешите? – парень тянет руку к бутылке, и я отдаю её. Он выливает оставшуюся жидкость на штанины и обувь, пытаюсь смыть остатки содержимого моего желудка. – Может, вас в больницу отвезти? – продолжая свое занятие, не глядя на меня, спрашивает молодой человек.

– Я сомневаюсь, что они мне помогут избавиться от токсикоза, – говорю и уже делаю шаг, чтобы уйти, но меня нагло хватают за руку.

– Тогда давайте я вас подвезу?

– Не стоит, молодой человек, я и сама в состоянии справиться, – выдергиваю руку и, больше не оборачиваясь, быстро иду к остановке.

Снег хрустывает под ногами. Побойстрее бы до квартиры добраться, закутаться в теплый плед и... сердце в груди дергается. Нет, сегодня я домой я не поеду. Нет больше у меня дома, потому что там нет Валеры. К горлу подкатывает комок, когда перед глазами всплывают просмотренные у следователя фотографии. Дышать... нужно научиться дышать... без него.

Громкий сигнал автомобиля заставляет вздрогнуть всем телом.

– Ты дура? – прямо передо мной резко тормозит красная машина. – Куда прешь на красный?

Я отступаю обратно на тротуар и растерянно оглядываюсь по сторонам, а потом смотрю на светофор... Красный...

– Дура! – кричит в открытое окно водитель и давит на газ.

А меня паника охватывает. Я медленно пячусь. Животный страх вцепляется в меня мертвой хваткой. Как я могла быть такой неосмотрительной? Ведь у меня только малыш и остался. Только ради него я пытаюсь держаться, хоть и дается это с трудом.

– Девушка, де-вуш-ка! – ушей касается уже знакомый голос.

Верчу головой, пытаюсь понять, откуда идет звук, но искать и не пришлось – парень широким шагом идет ко мне, а я стою, как приклеенная, и с места сдвинуться не могу.

– Извините, но мне совесть не позволяет оставить вас в таком состоянии одну, – он берет меня под локоть и подталкивает к машине, – назовите адрес, я вас отвезу.

– Я заплачу, – говорю первое, что приходит на ум.

– Хорошо, как скажете.

– Остановите здесь, возле магазина, – получилось чуть громче, чем ожидала, но мои нервы уже на пределе.

Гнетущая тишина, повисшая в машине после моей выходки, невыносима, и я считала минуты и километры до места, чтобы побыстрее избавить водителя от своего присутствия.

– Хорошо-хорошо, – парень отреагировал мгновенно и резко съехал на обочину.

Я неслабо приложилась лбом о спинку кресла. Спасибо мягкому подголовнику, а то бы синяка точно не избежать.

– Сколько я вам должна? – спрашиваю для приличия, ведь обещала заплатить, хотя знаю наверняка, что денег парень не возьмет.

– Сегодня и для вас – бесплатно, – к губам парня приклеилась фальшивая улыбка, и я, больше не задерживаясь, капитулирую из салона, оставив на сиденье пятьсот рублей.

– Спасибо, – буркаю и захлопываю дверь – получилось громко и неаккуратно.

Широким шагом пересекаю проезжую часть и, не оглядываясь, захожу в магазин.

В родительской квартире витает аромат свежеевыпеченной сдобы, но меня этот запах больше не привлекает. Меня тошнит от всего. Сажу, закутавшись в плед, и грею замершие пальцы о теплую кружку.

– Как прошел день, Дашуль? – кричит из кухни мама.

– Придешь – расскажу, – отвечаю ей намного тише, но она, как ни странно, слышит меня.

– Сейчас булочки уложу на блюдо и иду, – снова кричит, и я не понимаю – зачем? У нас вроде бы нет глухих в семье.

– И так постоянно, – улыбается папа, сидя в своем любимом массажном кресле и смотрит футбол без звука.

– Я бы уже давно оглохла, – усмехаясь, отвечаю ему.

– Я все слышу, – кричит мама с кухни.

– Мам, ну прекрати! Где ты уже? У меня уже чай остыл, – капризничаю. Имею право – я у родителей в гостях. Хочу, чтобы меня побаловали, пожалели.

– Ну рассказывай, как прошел день? – наконец-то мама появляется в дверях, в одной руке несет блюдо с булочками, в другой – кружку чая для себя. – Никита, оторви ты уже свою пятую точку от кресла и чай себе принеси, – журит мама отца.

– Да я принесу, пап, сиди, – спохватываюсь я, но меня тут же осаждает голос папы.

– Дочка, – он смотрит на меня поверх очков, – я сам.

Мои губы растягивает улыбка.

– У следователя сегодня была, – опуская взгляд в кружку, отвечаю маме на заданный вопрос.

– И что говорит? Этот следователь? Что-нибудь путевое?

– Сомневаюсь, мам, что он скажет что-то путевое, – передергиваю ее слова.

– Этого стоило ожидать, – вклинивается в разговор папа.

– Предварительным следствием установлено, что машина взорвалась не по вине МЧСовцев, а от того, что в поврежденном двигателе произошло замыкание, – я сделала вдох, больше похожий на всхлип.

– Дочка... – тут же ко мне на диван подсела мама и обняла за плечи.

– ...и именно это привело к взрыву. Несчастный случай, – прикрываю рот ладонью, пытаюсь сдержать рыдание.

– Даша, девочка моя, – мама прижимает к своему плечу мою голову, – а что завтра? Людмила готовит поминки? Нужно бы помочь? Дашуль, ты прекращай разводить мокроту, Валере не понравилось бы, что постоянно плачешь. Подумай о ребеночке... – она вдруг замолкает на секунду и отнимает от меня руки, – ты что чай разлила? Мокро...

Она проводит подо мной рукой, а я сижу и сдвинуться с места не могу. Меня словно парализовало.

– Никита! – слышу крик мамы над ухом. – Что это, Даша? – она трясет перед собой рукой, испачканной кровью. – Никита, скорую срочно вызывай, да быстрее же! Даша, Даша! – она трясет меня за плечи. – Даша, посмотри на меня!

Но я не могу сфокусировать взгляд на ней. Мое сердце стучит через раз. Я чувствую, как внизу живота становится невыносимо влажно и жарко. Опускаю руку и провожу между ног, поднимаю пальцы к лицу. Внешний мир превратился для меня в сплошное красное пятно. Я в этот момент умираю, так же, как во мне умираю частичка Валеры. Я чувствовала это... это нельзя ни с чем спутать. Ниточка связи с ребеночком становится все тоньше и тоньше, а потом... потом она просто исчезает, и ты остаешься одна... опустошенная и раздавленная, словно пустая пластиковая бутылка, смятая сильными безжалостными пальцами судьбы.

– Будем вызывать искусственные роды, срок уже большой, аборт делать опасно, – прогремел над головой грудной бас.

– Что? – шевелю пересохшими губами, но меня, видимо, никто не слышит, продолжаю говорить, так как будто меня здесь нет.

– Вводите препарат, – продолжает мужчина.

– Не надо, прошу... – говорю чуть громче, хочу поднести руку к глазам, но она не слушается меня.

– О, проснулась, голубушка, – мне с глаз снимают повязку, теперь понятно, почему я ничего не видела, тут же поворачиваю голову к рукам. Привязаны.

– Что происходит? Где я? – сильнее дергаю руки, пытаюсь освободиться.

Что происходит, почему я здесь? Окидываю взглядом помещение. Больница, это точно больница.

– А ты у нас, получается, ничего не помнишь? Амнезия? – ехидничает мужчина.

На вид ему лет шестьдесят. Ссохшийся, как сморчок, и не скажешь, что он обладатель столь грубого голоса. Последнее, что помню – у меня началось кровотечение. А дальше пустота, провал, а потом слова этого мужчины.

– Прекратите со мной разговаривать в таком тоне и отвяжите меня, – начинаю закипать.

– Как только сделаем нужную процедуру, тут же развяжем, – опять ехидные нотки в голосе.

Что он имел в виду под искусственными родами?

– Не смейте ничего мне вводить! Я ничего не подписывала и ни на что не давала разрешения! – мой голос такой уверенный, что не узнаю сама себя.

– Женщина, – вклинивается в мои мысли женский голос, – у вас на шестом месяце замер плод.

«Замер плод», – я проговариваю про себя эти слова и не могу их осознать, не могу поверить.

– Вы что-то путаете, я выписалась из больницы два дня назад, у меня все хорошо.

– Женщина, – на меня смотрит тетенька в белом потрепанном халате, с ярко накрашенными розовой помадой губами, – какая разница, что было два дня назад? Я вам говорю, что у вас произошло на данный момент. Сейчас потерпим чуточку, я введу лекарство, а потом уже можно и вставать. Леонард Сергеевич, сходите к родителям и сообщите, что их дочь пришла в себя.

– Дарья, дыши глубже, – командует медсестра.

– Я стараюсь.

Мое тело стонет от боли. Я читала и знаю, что такое схватки, но и предположить не могла, что это настолько больно.

– Ааааа! – рвется крик из груди.

– Скоро родишь уже, Орлова.

Не слова, а стальное лезвие по сердцу. Хочется в этот момент исчезнуть, отключиться, получить черепно-мозговую травму и проснуться с амнезией. Только бы не знать, что рожая мертвого сыночка.

– Нужно больше ходить, тогда и роды быстрее начнутся.

Медсестра словно специально подливала масла в огонь. Хотелось подойти в этот момент и треснуть ей по голове толстым журналом, что лежал на ресепшене.

Дыши, Даша, дыши.

И я продолжаю дышать. Хотя для чего – не знаю. Сейчас во мне, скорее всего, говорят инстинкты самосохранения, так как я в здравом уме и при памяти. Вспомнилось, как четыре часа назад, когда мне, наконец, развязали руки, медсестра с ярко-розовыми губами сказала, что я грозила убить не только себя, но тех, кто подойдет ко мне близко, прижимая к шее острые зубчики вилки. Откуда она оказалась у меня, не могу даже представить. Пришлось применять ко мне кардинальные меры, а какие – она не сказала.

Кровотечение остановили с помощью уколов, а для обуздания агрессивной меня ввели лошадиную дозу успокоительного – теперь ведь для этого нет никаких противопоказаний.

– Ааааа! – снова вырывается из горла, когда меня скручивает пополам очередная схватка.

– Орлова, считай секунды, – медсестра выглянула из-за стойки, – хотя давай в родовую.

Несмотря на полноту, медсестра с ловкостью пантеры вытекла из-за стола и, подталкивая меня по длинному коридору вперед, шла следом.

– Катерина, выйди, протри полы, – заглянула она в сестринскую, а я в этот момент посмотрела на пол. Под ногами мокро. Коричневая лужа растекалась и с каждой секундой все больше и больше.

– Да что же ты такая невезучая, Орлова? – сетовала женщина, идя за мной.

– Все в руках божьих, – безэмоциональный голос царапнул мой слух, и только спустя секунду поняла, что это сказала я.

– Ты права, деточка, значит Господь так решил. Может, и не надо тебе пока ребеночка рожать. Может, это и к лучшему.

К лучшему?! Это слово, будто вязкий сироп, обволокло мое сознание, и я даже поверила в то, что это на самом деле правда, что все делается к лучшему. Шаркая мокрыми подошвами тапочек по полу, мы наконец-то дошли куда надо. То ли у меня схватки прекратились, то ли я смирилась с тем, что больше не беременна – не поймешь, но когда я зашла в родильную палату, из меня что-то выскочило и плюхнулось под ноги на пол.

Опустила глаза. И зашлась в немом крике. А потом меня изнутри разорвала боль. И накрыло темнотой. Не вижу ничего, но это не так уже и важно. Важно лишь то, что я держу на руках тельце сыночка Валерочки, трогаю его личико. Кожица у него такая мягкая и гладкая, что сравниться ни с чем не может.

– Да-а, с этой девкой проблем не оберешься, – слышу сквозь вату в ушах далекие голоса, – давай, Люся, раз, два ...

Парю в невесомости пару секунд, а потом чувствую, как меня кладут на что-то твердое.

– Хорошо хоть тощая и легкая – не надрыватьсь...

– Дамы, вы что-то заболтались. Фамилия пациентки?

– Дык Орлова это, – говорит одна из женщин.

– Орлова, хорошая фамилия. Видимо, высоко летает, а, Орлова?

Мои щеки обжигает пощечина, и следом в нос бьет резкий запах нашатыря.

– М-м-м, – отворачиваю голову от едкого запаха.

– Сейчас наркоз будем вводить, ничего не бойся, заснешь ненадолго, услышишь меня?

– М-м-м, – снова мычу – в горле все пересохло, сказать ничего не могу.

– Замечательно. Открыть глаза можешь? – вопрос точно адресован мне.

Мне приходится приложить немало усилий, но в итоге я справляюсь с этим и разжимаю веки. Щурюсь от яркого света.

– Маргарита Алексеевна, давление пациентке сместили?

Я смотрю на обладательницу голоса. Высокая блондинка, устроившись между моих ног, сосредоточенно щупает одной рукой пульс, другой – низ живота.

– Орлова, очнулась? Прекрасно, – она скользит по мне невидящим взглядом и вновь погружается в свою работу.

– Давление в норме, Вита Леонидовна, – перевожу взгляд на говорящую.

Совсем молоденькая девочка, кажется, она намного моложе меня – студентка, что ли?

– Что происходит? – еле шевелю языком.

– Роды, – отвечает девушка тихо.

– Ну что, начнем? – Я вся подобралась и попыталась сжать ноги. – Это лишнее, – качает головой врач, натягивая на руки перчатки, а девушка обхватывает мое запястье холодными пальцами и, разогнув руку, прижимает ее к столу.

– Сейчас сделаем укольчик, и вы немного поспите, а когда проснетесь – все уже будет хорошо.

Ее пальцы мелькали перед моими глазами так быстро, что только и успевала следить за тем, что она делает. Прокол кожи даже не почувствовала, как не почувствовала и то, что через минуту глаза сами собой сомкнулись, и я погрузилась в вязкий желанный покой.

Глава 3

Стою возле стеклянных дверей больницы и перекатываюсь с пяток на носки, бессмысленно вглядываюсь в белую пелену снега, который не прекращая сыпет с неба второй день.

Десять дней пролетели как в страшном сне: слезы, уколы, душевная боль – и так по кругу изо дня в день. Пока наконец-то душа и сердце не стали пустыми. Не было больше ни эмоций, ни слез, только безразличие к жизни заполнило пустую телесную оболочку.

– Орлова здесь? – слышу механический голос в динамике, и я медленно оборачиваюсь и поднимаю руку вверх.

– Выходите, за вами приехали.

Подхватив тяжелый пакет и перебросив сумку через плечо, выхожу из фойе больницы. До стоянки приличное расстояние, преодолеваю его, борясь с бушующей непогодой. Мокрый снег так и норовит залепить глаза крупными снежинками. Сощуриваюсь и прикрываю лицо ладонью. Чуть наклоняюсь вперед, рассекая макушкой ветер. Ноги то и дело поскальзываются на обледенелой дороге, приходится постоянно держать равновесие, чтобы не упасть. Знакомые рыжие жигули приветливо подмигивают фарами, когда я выхожу на стоянку.

– Привет! – открываю заднюю дверь, закидываю вещи на сиденье и залезаю сама.

– Привет, Дашуль, – мужчина поворачивается ко мне и протягивает руку для приветствия, пожимаю ее и усаживаюсь поудобнее, – я бы и внутрь заехал, да не пустили. Погода сегодня зверствует, холодно жутко.

– Точно, пока дошла, заледенела.

Мужчина включает печку до максимума.

– Сейчас согрею тебя, Дашуль, – улыбается он и трогает машину с места.

– Как там родители? – задаю вопрос, чтобы хоть чем-то заполнить повисшую тишину, нарушаемую только шумом печки.

– Мама готовится. Точнее, готовит с самого утра. Ждет твоего приезда, отец в гараже с машиной занимается.

– Я так и не поняла, что у него там сломалось, надеюсь, ничего серьезного.

– Не серьезно, сейчас тебя завезу домой и к нему сразу, вдвоем быстрее управимся.

– Спасибо, дядь Леш.

– Да сиди ты уж. За что спасибо? Племянку забрать, что ли, трудно? Скажешь тоже. Обижаешь, Дашуль.

– Дядь Леш, прекрати, – хлопаю мужчину по плечу и откидываюсь на спинку сиденья стареньких жигулей.

Ветер задувает такой, что машину шатает по дороге и у меня от этого волосы на голове дыбом встают. Закрываю глаза и молитву читаю, аж самой смешно стало. Дожила. Смех наружу рвется истерический, но я приподнимаю воротник пуховика и прячусь за ним. Сжимаю ворот ледяными пальцами и отворачиваюсь к покрывшемуся снежным настом окну, пытаюсь сквозь него рассмотреть хоть что-то, лишь бы отвлечься от охватившего страха.

– Дашка, а давай рванем на острова, – сквозь бушующую за тонким машинным окном бурю слышу голос Валеры, и улыбка трогает губы, – что нам делать в заснеженной северной столице?

– Угу, и как ты видишь меня с вот этим животом, – оглаживаю маленький шарик ладонями, – в купальнике?

– Очень даже вижу, – в его глазах вспыхивают озорные искорки, а его рука под столиком в ресторане сжимает мое колено и поднимается выше. У меня от этого движения мурашки возбуждения бегут по спине.

– Валера, – хлопаю мужа по руке...

...и вздрагиваю от громкого сигнала, растерянно хлопаю глазами.

– Ну ты посмотри, что творит!? – громкий голос крестного в мгновение рассеивает мои воспоминания о том дне, когда мы в последний раз ужинали с мужем. – Раскорячился посреди дороги, чуть не раздавил его.

Я вытягиваю шею и смотрю поверх бампера на того, кто вызвал в дяде Леше столько эмоций. Перед нами на пешеходном переходе прямо посередине замер огромный черный пес. Со всех сторон слышатся сигналы, и бедное животное, растерявшись, застыло на месте и не знает, куда идти дальше. Дядя Леша снова нажал на сигнал и чуть надавил на газ. Пес дернулся и вернулся обратно, так и не осмелился перейти дорогу и застыл на обочине.

– Чуть не сбил, представляешь? – проезжая мимо, мужчина еще раз нажимает на сигнал и грозит кулаком, как будто пес его может понять. – Это, представь, – он загибает пальцы, – и капот бы мне замаял, и фаркоп от такой туши точно треснул бы, пришлось бы как минимум тысяч пять, а то и больше, за ремонт отдавать.

А я сижу и только глазами моргаю. Дядя Леша для меня самый родной и близкий человек после родителей. Всегда баловал меня и ни разу плохого слова от него не слышала, а здесь ... Откуда в людях столько бессердечности? Сначала в больнице. Но там ладно – там чужие люди. Но от близких, когда совсем такого не ждешь, словно удар под дых. Когда мир успел вокруг меня так сильно измениться? Или... Или изменилась я? В машине стало очень душно. И мушки перед глазами замелькали. Мне срочно нужен глоток свежего воздуха иначе... иначе...

– Дядь Леш, останови здесь где-нибудь, – хватаю мелкими глотками спертый кислород, – сейчас дядь Леш, а то мне плохо, – цежу сквозь сжатые зубы.

Мужчина прижимается к бордюру, я открываю дверь и вдыхаю холодный воздух полной грудью.

– Дашуль, – на спину ложится рука крестного, а у меня внутри происходит полное отторжение его прикосновений. Я дергаюсь вперед и вырываюсь на улицу из тесной железной коробки.

– Дядь Леш, – чуть отдышавшись, поворачиваюсь к мужчине лицом, – ты завези домой пакет, хорошо? А я на метро доберусь, что-то мне нехорошо, укачивает, – вытираю со лба испарину и тут же натягиваю капюшон на голову.

– Дашуль, точно доберешься? – крестный смотрит на меня встревоженным взглядом.

– Да-да, – закрываю дверь и отхожу от машины.

Лишние вопросы только силы отнимают.

Иду вдоль магазинов, рассматривая пустым взглядом, что происходит за витринами, но сквозь пелену снега почти ничего не разобрать. Самое главное – есть, на что отвлечься от терзающих душу чувств.

Сильный толчок в плечо, и я не удерживаюсь, делаю почти полный оборот вокруг себя и, поскользнувшись, падаю на спину, больно ударяясь копчиком об обледенелый тротуар. Сумка отлетает в сторону, и я только и успеваю моргнуть и вскинуть руку, чтобы схватить, но её поддевает ботинком мимо идущий парнишка.

– Стой! – кричу я и оглядываюсь по сторонам в поисках подмоги, но никого рядом нет.

В этот же момент парнишка подхватывает сумку и, срываясь с места, убегает так быстро, что не успеваю даже сообразить, что делать.

– Вот школота, – мне протягивает руку и помогает встать неизвестно откуда взявшаяся пожилая женщина. – Ты посмотри, что промышляют? – она смотрит в ту сторону, где скрылся воришка. И я смотрю в том же направлении, стряхивая с себя налипший мокрый снег.

– Ну, теперь не найдешь, это точно тебе говорю, много денег-то было?

Я растерянно смотрю на женщину.

– Да нет, немного, всего пара тысяч.

– Тьфу, тогда и не стоит гордиться, – она разворачивается и, не сказав больше ни слова, уходит, потеряв интерес к случившемуся.

Я в недоумении смотрю по сторонам, и плакать от обиды хочется. Что со мной не так? В сумки из ценностей у меня действительно ничего не было, и это не потому что я не нашла с собой карточки или приличную сумму денег. Просто мне в больнице они ни к чему были, и когда мама приехала еще в первый раз, я ей отдала документы, кредитные карты, сняла с себя золотые кольца и серьги, оставила лишь пару тысяч рублей и ключи от квартир – своей и родительской. Поразмыслив немного, я все же разворачиваюсь и иду в ту сторону, куда убежал воришка.

Снег сыплет нещадно, и я подхожу к каждому предмету или кучке, что хоть отдаленно напоминает сумку. Загребаю мокрый снег ботинками, в которых уже давно оковенели пальцы, и вдруг услышу «дзынь». Прощупывая посиневшими пальцами зарываюсь в снег и выуживаю ключи. Брелок сорван, осталась только короткая цепочка и пара серебряных звеньев – ключи от нашей с Валерой квартиры. Стряхиваю снег и сую их в карман. Складываю пальцы лодочкой и дую теплым воздухом, но это помогает ровно на несколько минут. Сумку так и не нашла, как и остальные вещи. Зато пальцы рук и ног оковенели настолько, что казалось, что если я сейчас не согреюсь, то точно околею. Оглядываюсь по сторонам в поисках какого-нибудь магазина, но по близости только кафе со странным названием "Kafe@.ru". Подойдя вплотную к двери, толкнула ее плечом и шагнула внутрь.

Тихий смех и спокойная музыка, они, словно яд, просачиваются в меня, отравляя. Я уже готова выскочить обратно из этого ада за дверь, заталкивать в уши холодный снег, чтобы оглохнуть и не слышать больше этих звуков радости. Ведь это неправильно – слышать в своем горе звуки веселья, они разрывают мне душу и сводят с ума. Меня начинает колотить озноб, и я от бессилия прячу руки за спину и впираюсь ногтями в онемевшую кожу ладони. Что же

делать? Мне бы позвонить, но онемевшими пальцами вряд ли смогу набрать номер. Всего пять минут, чтобы отойти от холода. Я задумалась и не уловила, в какой момент ко мне подошел официант.

– Вам помочь? Вы что-то хотели? – смотрит на меня с пренебрежением, и я невольно пячусь назад. Забыла совсем, что выгляжу сейчас не лучшим образом.

– Из-вини-те, – чуть заикаясь, отвечаю ему, – мне нужно подождать знакомого, договорились с ним встретиться здесь, – вру и не краснею. Да и куда краснеть, если моя кожа будто сплошной кусок льда.

– Тогда пройдите за столик или к барной стойке, гардероб вот здесь, – он указывает на выступ стены, за которым маячит женщина в темном костюме.

– Нет-нет, я дождусь его здесь, а потом мы вместе выберем столик, – отнекиваюсь я и снова отступаю к выходу.

– К сожалению, у нас так не заведено, извините, – он картинно вздохнул и показал мне на выход.

«Да и пошел ты со своей вежливостью!» – хочется выплюнуть ему в лицо, но я, чтобы не натворить дел, решаю удалиться. Шевелю пальцами – чувствительность вернулась, и это самое главное, значит – смогу позвонить.

– Ну, что ж бывает, – холодно отвечаю ему и, развернувшись, берусь за ручку и резко дергаю ее на себя.

Порыв ветра впускает облако белого пара и снежный вихрь, я закрываю глаза, а когда открываю, вижу, что передо мной стоит тот парень, которому я испортила обувь. Часто хлопаю ресницами и не могу в это поверить. В его глазах и на лице вижу застывшее маской изумление.

– Здравствуйте, – нарушает наши гляделки официант, который стоит за моей спиной.

– Добрый день, – незнакомец обращается ко мне.

– Для кого как, – тут же парирую и пытаюсь обойти его.

– У вас снова что-то случилось? – он вскидывает удивленно бровь.

– Извините? Что значит «снова»? – я поджимаю губы и смотрю ему прямо в глаза.

– Ну, в прошлый раз вас рвало прямо на улице, а в этот раз что? – он наклоняется ко мне чуть ближе. – По лицу официанта можно предположить, что вы облевали здешний туалет.

– Вы мне что, хамите? – шиплю на него перед тем, как он отступает на шаг назад.

– Отнюдь, – он скидывает бежевый пиджак и передает его официанту. – Столик на двоих.

– На одного, – тут же вставляю свое слово.

– Да прекратите, – незнакомец снова подходит так близко, что мне приходится вытягивать руки, чтобы остановить его, так как парень нещадно вторгается в мое личное пространство и меня это беспокоит, – я же вижу что у вас что-то случилось, не разговаривать же нам возле дверей – это глупо, в конце концов.

– Если глупо, идите за столик, вас никто не держит, – складываю руки на груди и упираюсь взглядом в его грудь.

– Ладно, не хотите помощи, как хотите. Что за детский сад? – фыркнул он и повернулся отойти.

– У меня сумку украли, – шмыгаю носом, – и я замерзла, – шмыгаю для убедительности еще раз.

– Черт, – парень на мгновение застыл на месте, – давайте так. Вы сейчас посидите со мной, попьете чай. Я быстро перекушу и отвезу вас домой, идет?

Я задумалась на целую долгую минуту. Незнакомец стоял все это время с таким недоумевающим от моего замешательства выражением лица, что хотелось заехать ему в челюсть.

– Хорошо, – наконец, отвечаю ему, – только недолго. И напомним, как вас зовут.

– Данил, – тихо проговариваю про себя, – точно, – в голове просветлело, – Данил, я помню, – это, скорее, риторическое замечание, напоминание себе, но я зачем-то произнесла это вслух.

– Точно, а вас? – бросив на меня взгляд, через плечо спрашивает он.

– Дарья.

А в ответ ничего. Тишина. Ну что ж, видимо, я не вызываю в людях желания проявлять вежливость, и осознание, что со мной действительно что-то не так, крепче утверждаются в подсознание.

– Что будете пить, Дарья? – спрашивает парень, когда мы сели за столик.

– Чай, – отвечаю ему, – зеленый.

– Может быть, все же перекусите? – он скользит по мне невидящим взглядом.

– Нет.

Отворачиваюсь к окну, показывая всем видом, что настаивать нет смысла, и это мой окончательный ответ.

– Мне как обычно, – слышу его разговор с официантом, но не оборачиваюсь, хоть и любопытно посмотреть в этот момент на выражение лица этого самого официанта, который пытался выставить меня. Видимо, Данил тут частый гость, раз обслуживающий персонал знает его меню.

– Это кафе моего друга, – будто прочитав мои мысли, говорит парень.

– И-и-и? – пожимаю плечами и поворачиваюсь к нему.

– Иии ничего... для информации, – бросает взгляд в окно. – Кстати, советую вам к чаю добавить немного коньяка, чтобы согреться. Мой дед водку с перцем пьет, а вот жена утверждает, что ей хватает и небольшой порции коньяка, чтобы прогнать простуду... – Я растерянно смотрю на Данила, и не могу понять, говорит он все это серьезно или шутит? – Я вам это говорю серьезно. – Он что, читает мысли? – Можете не сомневаться, оба способа проверены. И мысли я не читаю, – хмыкает он и уголки губ поднимаются в усмешке, – ваше удивление и неверие в мои слова на лице написаны, – его зеленые глаза искрятся смехом, а я скрещиваю руки на груди и облокачиваюсь на высокую спинку стула.

– Вообще-то это не очень смешно, – хмурю брови и чувствую, как по телу волной пробегают озноб.

Передергиваю плечами, и единственное, что мне сейчас хочется – надеть куртку или прилечь к теплой батарее всем телом и согреться. Никогда не любила холод... В голове проскальзывает мысль о том, что за эти несчастные десять минут, пока я нахожусь с парнем, меня ни разу не посетила мысль ни о Валере, ни о ребенке. Сердце словно окаменело, а в груди образовалась пустота, от которой к горлу подкатил тошнотворный комок тоски и, пульсируя, застрял в нем.

– А вы правы, – выдавливаю из себя, – закажите мне коньяка, надеюсь, вы еще не передумали угостить даму?

Я не смотрю Данилу в глаза и от того не замечаю, как поменялся его взгляд.

– Теперь я не уверен в своем предложении.

– Это как? – изумляюсь его отказу. – Это отказ? – уточняя уже вслух.

– Да.

Вот как. Такое твердое безапелляционное «да».

– Нет, – тут же парирую.

– Дарья, – он чуть склоняется вперед, от чего расстояние между нами сокращается, и у меня от этой близости учащается дыхание, – мне бы не хотелось вас огорчать, но угощать вас или нет решаю я.

Мне целая вечность понадобилась на то, чтобы понять, что мне только что сказал этот парень.

– Хам, – кидаю ему в лицо и вскакиваю со стула.

– Дарья, – слышу уже в спину, но меня это не останавливает, забираю с вешалки свой пуховик и вихрем вылетаю на улицу.

Колкий ветер тут же пронизывает меня насквозь, и я закутываюсь в пуховик. Оглядываюсь по сторонам. Этот район я совсем не знаю, нужно определиться в какую сторону идти. Слезы обиды катятся по щекам крупными каплями. Смахиваю их тыльной стороной ладони.

– Дарья...

Парень берет меня под локоть, но я дергаюсь и высвобождаю руку.

– Увольте от вашего общения, – в голове раздраз, не могу четко понять, что мне нужно сделать. Куда пойти, но самое главное – как добраться до дома без денег.

– Дарья...

Меня начинает трясти от этого голоса, который я уже ненавижу. Разворачиваюсь к нему и тыкаю пальцем в плечо.

– Если вы еще раз, Данил, произнесете мое имя, я за себя не ручаюсь, честно.

Он смотрит ошарашенно, но мне уже плевать – меня несет, пусть думает что хочет.

– Дар... – он останавливается на полуслове, потому что меня перекосило, – девушка, черт, что происходит? – он снова хватает меня за локоть, только уже захват более ощутимый, даже болезненный.

– Отпусти! Ты что творишь? – я бьюсь в его руках, пытаюсь высвободиться, но, как назло, в этот момент поднимается настоящий ураган. Мои слова тонут в завываниях ветра, а полы пуховика раскрываются, и я задыхаюсь от промозглого холода.

Парень тащит меня за собой, не сбавляя скорости, и я ощущаю себя позади него развивающимся на ветру флагом.

– Пусти тебе говорят, не слышишь? – не оставляю попыток вырваться, а перехватившее стужей горло уже саднит.

Мы подходим к той же белой машине, и парень, пикнув сигнализацией, открывает дверь и засовывает меня внутрь в прямом смысле этого слова, захлопывает дверь и снова нажимает сигнализацию. Секунду прислушиваюсь к себе и к тишине в салоне машины — во мне бушуют эмоции, и все они как на подбор далекие от положительных. Кидаю взгляд на парня. Он обходит машину, а я за ним внимательно слежу, наощупь шарю по двери в поисках флажка, который открывает дверь с внутренней стороны, но, как назло, не могу найти его, отвожу взгляд от парня, чтобы посмотреть, где он есть, и не верю своим глазам – ничего. Вдох разочарования и злости вырывается изо рта. Раздается щелчок – слишком громко, и внутрь врывается поток холодного воздуха, я тут же дергаю ручку двери, но, как и следовало ожидать, она закрыта.

– Машина закрыта, вы не выйдите из нее до тех пор, пока я не открою, – его голос настолько спокоен, что меня это заводит словно по щелчку, хотя я и так абсолютно неспокойна.

– Выпусти меня немедленно! – продолжаю толкаться в закрытую дверь. – У вас нет никакого права удерживать меня! – я подозрительно смотрю на парня и тяжело дышу. – Это похищение?

– Думайте, как вам угодно, – и следом на мои колени ложится бутылка коньяка, – я просто помню, что в нашу последнюю встречу вы были беременны. А алкоголь беременным противопоказан, насколько мне известно.

Я, не ожидавшая ничего подобного, удивленно смотрю расширившимися глазами на парня. Такого от него я точно никак не думала услышать. Беру с бутылку и пытаюсь ее открыть. Пальцы дрожат – они еще не обрели полную чувствительность и срываются с крышки, не могу открутить, хотя и стараюсь изо всех сил.

– Слушайте...

Я аж вздрогнула от неожиданности, настолько увлекаюсь процессом, что забываю, где и с кем нахожусь. Он забирает у меня бутылку и помогает открыть, потом отдает обратно,

и когда мои посиневшие пальцы смыкаются на горлышке, то не сразу отпускает, а изучающе смотрит на меня. В первые секунды мне кажется, что я сгорю со стыда, но спустя эти самые секунды меня отпускает. Дергаю бутылку на себя и где-то в подсознании понимаю, что это и есть возможный выход из сложной психологической ситуации. Ведь многие люди спасаются так – топят свое горе в алкоголе.

– А так и не скажешь, что вы любительница выпить.

Я давлюсь первым же глотком и закашливаюсь от того, что огненная жидкость обожгла не «то» горло.

– Господи, – наконец-то приведя дыхание в норму, могу говорить, – вас учили молчать? Зачем говорить под руку? И так пью без закуски, – бросаю на парня гневный взгляд.

– Вы, конечно, меня извините, Дарья, но, может, вашему поведению есть все же логическое объяснение?

Нет, ну это все рамки переходит.

– Откройте дверь, – смотрю ему прямо в глаза и вкладываю во взгляд столько негодования, что у самой глаза заболели.

– Извините, но нет, – вместо этого мужчина заводит мотор и трогается с места.

– Выпустите меня, – визгливые нотки проскальзывают в голосе.

– Не истерите, вон ... – он кивком показывает на бутылку, – выпейте еще, я же обещал, что подвезу вас...

– Слушай, ты! – во мне закипает ярость, я до хруста в пальцах сжимаю горлышко бутылки, которую уже в мыслях разможила о голову этого придурка, – я не просила о помощи, уяснил? А теперь останови машину, – зло шиплю и закручиваю отверстие горлышка крышкой, – и вот, держи коньячишко, я действительно не пью, а прежде чем делать какие-то выводы, нужно хотя бы немного узнать о человеке.

Данил поворачивает ко мне голову и вздергивает бровь.

– О-о-о, мы перешли на «ты»? О'кей, тогда давай, удиви меня, объясни, что же за непредвиденные обстоятельства заставили глотать коньячище НЕПЬЮЩУЮ беременную женщину?

Сжимаю челюсть так, что желваки натягиваются до боли. Хочу выплеснуть весь яд, что сейчас обжигает мне язык своей токсичностью. Я борюсь сама с собой. С одной стороны – хочется этому придурку доказать, что все его обвинения напрасны, с другой...

Снова откупориваю бутылку и делаю жадный глоток алкоголя, как будто ища в этом действии подсказку. Громко сглатываю и подношу к носу рукав куртки, втягиваю запах в себя. Черт, что же он такой крепкий. Слезы выступают на глазах, по пищеводу прокатывается огненный шар и бухается на дно пустого желудка. Через некоторое время понимаю, что в салоне так тихо, что слышу, как бешено стучит мое сердце. Откидываюсь на спинку кресла и осознаю, что расслабление пришло незамедлительно. Тогда делаю еще глоток...

– У меня больше нет ребенка, – произношу вслух безликим голосом, – замершая беременность на шести месяцах, – поворачиваю голову к Данилу, – мне кажется, это весомый повод, чтобы напиться, как думаете Данил?

– Мне очень жаль, – хриплым голосом произносит он, но в мою сторону так и не смотрит. Только губы поджал и взгляд вперил в лобовое стекло, сосредоточив все внимание на дороге.

Еще глоток обжигающей жидкости, касается моего желудка.

– А еще ... – на миг замолкаю, – а еще четырнадцатого февраля у меня погиб муж. В нас врезался пазик, и его не успели вытащить из салона. Машина взорвалась... а меня ... а меня успели... – чувствую как по щекам катятся слезы. Нервно вытираю их ладонью и лезу в карман поискать платок, но его, естественно, там нет. Зато звякнувшие ключи от нашей с Валерой квартиры напомнили о себе. – Вы не могли бы меня отвезти на Колокольную, 102? – всхлипываю и размазываю слезы по лицу.

Парень протягивает руку к бардачку и достает упаковку салфеток. Кладет мне на колени. Зажимаю бутылку между ног и, шурша упаковкой, вытаскиваю платочек.

– Мне жаль, что с вами такое произошло.

В голосе слышу сожаление, при этом ни грамма сочувствия, а если посмотреть в его лицо, то вообще может подуматься, что и сожаление показалось. На лице маска полного безразличия. Будто это для него и не трагедия вовсе, а так, рядовой случай. Мне с каждой пронзающей мозг мыслью становилось все хуже и хуже, и я перестала контролировать, сколько коньяка пью.

– Дарья, в выпивке горе не утопите, – попытался забрать у меня бутылку парень, но я перехватила его за запястье и с силой оттолкнула руку.

– Следите за дорогой, – чуть заплетающимся языком напонила ему, – а я уж как-нибудь сама разберусь, где и что мне нужно утопить.

– Даша, какой у вас номер квартиры? – ухо обжигает горячий шепот, и я открываю глаза.

– Восемьдесят три, – бормочу спросонья, в голове все шумит и кружится.

Я снова закрываю глаза, а потом до моего сознания доходит, что меня держат на весу и куда-то несут. Распахиваю глаза ...

– Что вы себе... – в горле настолько все сухо, что замолкаю и пытаюсь собрать слюну, чтобы сглотнуть и смочить горло.

– Ну, вообще-то вы мне должны сказать как минимум спасибо, а как максимум просто помолчать, – парень открыл подъездную дверь и поднялся по лестнице к лифту.

– Ну-ка поставьте меня быстро на пол, – хриплю севшим голосом.

– Вы уверены, что сможете идти? – в голосе проскальзывает ехидство, и мои щеки покрываются красными пятнами от возмущения и досады на то, что я не помню, как позволила этому парню трогать себя.

– Твою мать, – брыкаюсь и одновременно упираюсь руками ему в грудь, – отпустите немедленно. Вы хоть понимаете, что подумают соседи?

– Никого нет, – он картинно окидывает взглядом холл, но меня все же отпускает.

– Зачем вы вообще это сделали? – я зло вдавливаю кнопку вызова лифта и не смотрю на парня – боюсь взорваться. Алкоголь бурлит в крови, забивая адекватную человеческую реакцию на поступок Данила.

– Потому что у меня есть свои дела и своя личная жизнь, а слушать ваш храп в машине на протяжении нескольких часов не входит в мои планы, – он разворачивается на пятках, – и слова благодарности можете оставить при себе.

В шоке от слов парня я так и продолжаю неподвижно стоять, давя на кнопку, даже не развернувшись в сторону хлопнувшей поезда двери.

Глава 4

Щелчок дверного замка оповещает о том, что я приближаюсь к закрытому ларцу Пандоры с каждой долей секунды все ближе и ближе. Дрожащей рукой открываю дверь, и сердце на миг обрывает свой бег, . Делаю шаг вглубь квартиры. Дверь захлопывается слишком громко, и я вздрагиваю. Оглядываюсь по сторонам, но в темноте квартиры видны только очертания мебели. Но мне и не нужен свет, я могу здесь ориентироваться даже с закрытыми глазами. От одной мысли о том, что при свете могу увидеть развешанные по всем стенам наши совместные с Валерой фото, меня потряхивает. Поэтому лучше так – в темноте. Облокачиваюсь спиной о стену, сбрасываю обувь, прохожу дальше по коридору.

Я здесь не была с момента выписки из больницы, когда еще носила под сердцем нашего малыша. Даже и мысли не было приехать сюда без НЕГО, а теперь и без НИХ. Кладу ладонь на плоский живот, и слезы подкатывают к горлу. Зачем я сюда приехала? В голове не переставая крутиться эта мысль. И сейчас, когда действие алкоголя немного ослабло, я понимаю, что совершила большую глупость, назвав Данилу именно этот адрес.

Давящая пустота и тишина порождают ненужные образы в голове, и я наощупь добираться до зала. Призраки прошлого неумолимо лезут в голову, я хватаюсь за виски и начинаю массировать, все сильнее и сильнее надавливая на пульсирующие венки.

– Прочь, не хочу, – шепчу хриплым, будто простуженным голосом.

Кручусь по комнате, освещаемой лишь светом уличные фонарей, спотыкаюсь о кресло и падаю на пол...

«*Дашка, Дашка*»... – голос Валеры врывается в голову так явственно, что зажимаю уши с силой, пытаюсь вытеснить его из головы.

– Прочь... уходи, уходи ... – шепчу вмиг пересохшими губами, а сама задыхаюсь слезами.

«*Дашка, ты что?*»

Я, видимо, схожу с ума, потому что сквозь толстую материю куртки чувствую прикосновения к своему плечу. Дыхание сбивается, и я лежу неподвижно несколько минут не шевелясь, а потом открываю глаза... Яркий свет бьет по зрачкам, и я шурюсь от его сияния.

«*Дашка, ты что валяешься? Потянула себе что-нибудь?*» – передо мной на корточках сидит Валера, и на его губах застыла растерянная улыбка.

– Нет... – я хлопаю глазами и проглатываю слезы. – Валера это ты? – протягиваю руку и касаюсь кончиками пальцев щеки мужа.

«*Дашка, да что с тобой?*» – он перехватывает мою ладонь, подносит к губам и целует. Чувствую его теплое прикосновение, и оно по мне прокатывается, будто импульсы искрового разряда, не могу больше сдержаться, звуки рыдания заглушают все вокруг.

«*Мальши, у тебя где-то болит? Давай вызовем скорую!*»

...а я готова орать во все горло, лишь бы заглушить его голос – это же неправда, это все иллюзия! Я знаю, что он мертв! Как я могу чувствовать его руки?! Его трепетное поглаживание по спине и волосам? Громко, надрывно всхлипываю и распахиваю глаза – комната по-прежнему заполнена темной и безжизненной пустотой.

– А-а-а-а! – закрываю рот руками, заглушая рвущийся наружу крик. – Валера, как ты мог оставить меня, почему?!

Пошатываясь поднимаюсь на колени и, упираясь руками в пол, помогаю себе встать. Господи, сердце внутри – будто надтреснувший стеклянный шар: чуть надави – и разлетится на осколки. Хватаюсь за ребра под грудью и сдавливаю так сильно, что становится больно.

Неожиданно телефонная трель разрывает гнетущую тишину, и я, взвизгнув, подпрыгиваю на месте и вихрем лечу к телефону, подстегиваемая страхом. Хватаю трубку.

– Алло! – запыхавшись кричу в трубку.

– Боже, дочка, что у тебя там случилось? – взволнованный голос мамы проникает в мое сознание, как светлый лучик.

– Мам, только зашла, хотела позвонить, – вру ей, – у меня сумку украли, а в ней и телефон, и деньги, – тараторю ей в ответ.

– А как ты дома оказалась? – в голосе проскальзывает подозрительное недоверие. – Мы же договаривались, что ты одна туда ходить не будешь, Даша. Я сейчас позвоню отцу, они за тобой с дядей Лешей приедут.

– Мам, да ты не волнуйся, я такси попробую вызвать, а дома расплатимся, – говорю ей, а у самой руки начинают трястись, потому что чувствую, как на мои плечи ложатся руки и сжимают их. Меня охватывает паника.

«Скажи маме, пусть не волнуется, мы чуть пошалим и приедем к ней позже».

Господи, что происходит? На затылке волосы встают дыбом, и позвоночник простреливает ледяным ужасом. Сжимаю до хруста в пальцах трубку... Я схожу с ума. Горячее дыхание обжигает мочку уха и следом к ней прикасаются мягким поцелуем губы Валеры.

– Даша, Даша, с тобой все в порядке? – слышу издалека голос мамы, а у самой перед глазами все плывет. Потому что ласки Валерины на меня так всегда действуют.

– Мам, я перезвоню, – бросаю трубку и хватаюсь за полку, чтобы не упасть.

«Я так скучал по тебе, – продолжает нашептывать Валера, и его руки спускаются вниз по моим, он смыкает ладони на животе, и меня будто током пронизывает. – Скоро животик начнет расти, я так жду этого момента, хочу почувствовать, как сын будет ножками толкаться. А кажется, только вчера в репродукционном центре были и даже не надеялись, что ЭКО с первого раза получится», – теперь его дыхание чувствую на шее, и по телу пробегают мурашки. Ненормальное возбуждение зарождается где-то внизу живота, там, где лежат ладони мужа.

– Валера, – чуть склоняю голову вперед, освобождая больше пространства для губ мужчины.

«Дашка, ты такая сладкая и пахнешь совсем по-другому, не так как раньше», – слышу его сдавленный шепот, и слезы вновь застилаю глаза.

Нет. Это неправда. Это не может быть правдой. Валера умер. Это всего лишь мое воображение. Нужно взглянуть страху в лицо.

Разворачиваюсь резко на месте и... мои губы оказываются в плену холодных губ мужа.

«Дашка, – прерывая поцелуй, говорит он, – мне так плохо одному, так одиноко, Даш, ведь все, что у меня было – ты и наш сыночек. Даш...»

Сердце подпрыгивает и уходит в пятки, когда из соседней комнаты слышу младенческий плач. Перед глазами все размыто от слез, не могу разобрать, стоит передо мной кто-нибудь или нет. И сердце рвется в соседнюю комнату. Я делаю шаг, и тут же холодным обручем на запястье смыкаются пальцы.

«Нет, малыш, ты не сможешь помочь нашему мальчику».

Я вытираю слезы костяшками пальцев, зрение проясняется, и я отшатываюсь от стоящего передо мной мужа.

– Валера... – От ужаса и волнения ладони мгновенно вспотели и тело покрылось холодной испариной. Передо мной действительно муж. Его фигуру будто подсвечивает лунным светом, и благодаря этому я могу рассмотреть его лицо. – Но ты же мертв, Валера, – заикаюсь я.

«А ты жива», – в его голосе слышна обида, и меня мгновенно накрывает чувство вины.

– Прости, прости, – я делаю шаг к мужу и хочу прикоснуться к нему.

«Но мы можем все исправить, хочешь? Хочешь ко мне и нашему сыночку? Ему так не хватает мамы, и мне не хватает тебя...»

Он смотрит мне в глаза, и в них столько тоски и любви, что сердце в груди все-таки трескается и разваливается на части. Острые осколков впивается в мягкую плоть, и меня всю изнутри заполняет болезненным отчаянием.

– Валера, я хочу к тебе, забери меня, сейчас.

Лицо мужа озаряет улыбка, и меня накрывает теплом. Он тянет меня в кухню и по пути показывает на выключатель. Я ударяю по нему ладонью, и кухню заливают свет.

«Смотри, – муж указывает пальцем на верхнюю полку, где стоит деревянная шкатулка, – там кое-что для тебя есть».

На его губах играет полуулыбка, и я улыбаюсь в ответ, беру стул и лезу наверх. Достāju тяжелую шкатулку и ставлю ее на стол. Открываю крышку и вижу сверху среди мелочей пачку новых лезвий.

– Валера, я не смогу, – кидаю на мужа недоумевающий взгляд.

«Мальш, я буду рядом... – Я не успеваю и глазом моргнуть, как меня снова обнимают родные руки мужа. – Ты же у меня смелая девочка, да?»

– Да, – отвечаю осипшим голосом.

Мгновение – и я уже стою в ванной. В одной руке держу лезвие, другую ледяными пальцами держит Валера.

«Любимая, мы так хотим с сынишкой, чтобы ты была с нами...»

В его голосе столько любви и ожидания, и я не понимаю что делаю. Просто приковываю взгляд к любимому лицу и улыбаюсь в ответ. Немного поморщилась, лишь когда почувствовала неприятную тянущую боль в запястье. Хотела опустить глаза, но пальцы Валеры вцепились мне в подбородок, зафиксировав его на месте. Холодные губы прижались к моим в жадном поцелуе. Я закрыла глаза.

– Люблю тебя, милый, – хочу обнять шею мужа, но отчего-то промахиваюсь и обнимаю за плечи себя.

Открываю глаза. И столбенею от ужаса. Вижу в зеркале перепачканное искаженное болью лицо. Ошалело опускаю глаза и разеваю рот в немом крике. Последнее, что помню – кафель, залитый кровью...

Моей кровью.

Глава 5

В который раз убеждаюсь, что не стоит делать людям добра, тогда точно не получишь от них зла. И вот это маленькая неблагодарная девчонка тому подтверждение. Конечно же, умом понимаю, что у нее горе большое, но сердце даже не на миг не дернулось, когда узнал, что произошло с ней. Уже давно понял, что судьба подкидывает нам только те испытания, с которыми мы можем справиться, значит и она справится, а если нет, то на все воля Божья – так любит говорить мой старик, и я с этим полностью согласен.

В моей юридической практике были куда более трагичные ситуации, которые действительно переворачивали и ломали человеческие судьбы, и смерть близких и родных были на вершине айсберга. Куда хуже, когда предают и обманывают эти самые родные, когда лишают не только материального блага, но и физического здоровья.

Чуть нагибаюсь вперед и смотрю на окна восьмого этажа. Темно. Неужели еще не дошла? Твою мать. Нужно было довести дело до конца, а не психовать. Устал, конечно – с кем не бывает, зато сейчас не пришлось бы заниматься такой херней, как высчитыванием, на каком этаже находится квартира Дарьи и куда выходят окна ее комнат. Элина уже оборвала телефон. Снова гляжу на окна. Света нет. Может быть, ошибся? Нет, это исключено. Вспоминаю расположение квартир на первом этаже и сопоставляю номера этажами выше – я неоднократно был в домах такого типа, так что ошибки быть не может. В машине заметно похолодало, и я завожу мотор. Достāju телефон, откидываюсь на спинку кресла. Провожу по темному экрану пальцем, и сразу высвечивается оповещение о двадцати пропущенных звонках. Твою мать,

Энни не простит мне этого. Мучительно выдыхаю и набираю ее номер. Успел пройти только один гудок, и ее жена взяла трубку.

– Дани, так никто не делает, – низкий голос Элины прокатывается по мне, словно разряд тока.

– Котенок, прости, непредвиденные обстоятельства, с меня моей девочке подарок за опоздание, – сразу вношу коррективы в наш дальнейший разговор. Не люблю, когда женщины капризничают и истерят, даже если на это есть повод, даже если это косяк с твоей стороны, лучше сразу заткнуть образовавшуюся дыру таким кляпом, который трудно вытащить.

– Я тебя прошу, если скажешь, что уже поднимаешься по ступенькам.

Представляю лицо Энни с надутыми губками, и невольно улыбаюсь.

– Через десять минут буду, котенок, – отвечаю, а сам поглядываю на окна, которые до сих пор остаются темными.

– Даня, десять минут прибавить уже к прошедшим двум часам, это просто издевательство надо мной, – вскрикивает жена.

– Подарок выберешь ты, о'кей? – иду ва-банк.

– Жду, Даня ровно десять минут, а потом мы с девочками вызываем такси и уезжаем – будешь искать меня по всему Питеру, трубку специально брать не буду. Целую, – и отключаюсь.

Усмехаюсь и кидаю мобилу на пассажирское сиденье.

В груди кольнуло нехорошее предчувствие, когда взгляд зацепился за цифры на приборной панели – прошло уже двадцать минут. Неужели что-то произошло? Черт, почему сразу не уехал? Зачем остался? И подвожу жену в такой ответственный день. Первое серьезное выступление на сцене большого театра. Она готовилась к нему, а я мало того пропустил, так еще и не вовремя за ней приеду. Черт, ну давай же уже включай этот гребанный свет. Я гипнотизирую окна, не отрываясь.

– Да! – хлопнул в ладоши в тот момент, когда загорелись окна именно той квартиры, на которую подумал, – отлично, все выдохни, Данил. Тебя ждет твоя жена и твоя жизнь, а у этой девочки есть родственники, и они ей помогут.

Надавил на газ и с юзом тронулся с места.

Ехал быстро, так как будто за мной гнались черти из преисподней. Хорошо, что в это время на дорогах мало машин. Да сегодня в принципе все пошло не как я задумывал. Уже с утра все перевернулось каламбуром. Двухчасовое судебное заседание в итоге перенесли, и мне и пришлось убеждать клиентов, что дело не проиграно, как они себе надумали, а ушло на до рассмотрение из-за появившихся новых улики и доказательств, и что это никак не снимет вину с ответчика. Пожилая пара, дела которой я веду, явно осталась недовольна, но мое красноречие все же помогло, и разъехались мы с ними в более-менее позитивном настроении. Но они и не догадываются, какие сложности отложенное заседание внесет в мою работу. Мне вновь придется шерстить все бумаги, чтобы понять, откуда что взялось и как эта информация прошла мимо меня. Видимо, родственники пенсионеров раскопали какие-то справки или подкупили врачей, чтобы взять над стариками опеку и прикарманить их немалое богатство себе, и конечно же они прибегнут к ухищрениям.

На глаза попадает ночной павильон с цветами. Точно. Бью по тормозам и, проехав несколько десятков метров вперед, вылезая из машины и иду за цветами. Надеюсь, это смягчит сердце моей красавицы...

Подъезжаю к центральному входу в театр, заплатив охраннику на въезде пару зеленых купюр. Элина стоит вместе с двумя девочками на ступеньках, кутаясь в короткую шубку. Ее длинные белокурые локоны, закрученные в крупную спираль, треплет ветер, и она, чтобы хоть как то защититься, прикрывает затянутыми в прозрачные длинные перчатки ладонями лицо, а второй рукой придерживает ворот норковой шубки. Блестящее платье переливается в свете

уличных фонарей и играет яркими бликами, отражая мягкий желтоватый свет, на ногах совсем не по погоде туфли на неимоверно высокой шпильке. В голове тут же рисуется противоположный образ девушки, которую пришлось подвезти. И как я мог повестись на эту бедную овечку? Твою мать.

Выхожу из машины, достаю огромный букет лилий – все, как любит моя девочка, и иду напрямик к ней, переступая через ступеньку.

Элина стоит прямо и смотрит в противоположную сторону, делает так специально, не обращая на меня никакого внимания. Ну что ж, заслужил.

– Привет, Данил! – в один голос здороваются ее подружки, а она сама словно Снежная Королева, морозится и руками себя за плечи обхватывает, будто закрывается, отгораживается от меня.

– О, какой красивый букет, Энни, ты посмотри, – Марина трогает ее за локоть, но та дергается и отступает на полшажка.

– Передайте моему мужу, что я на него обиделась и очень огорчена его поступком, – поджимает она пухлые губы.

Черт... единственное, что сейчас хочу – это остаться с ней наедине и вымолить прощение, терзая ее рот губами, а потом ... в паху разлился жар возбуждения, и я, поправив воротник пиджака, подошел к жене вплотную.

– Энни, – вручаю ей букет и прижимаюсь бедрами к ее, вижу, как в ее глазах вспыхивает удивленный блеск.

– Даня, – они открывает рот и, выхватив букет из моих рук, чуть отступает, – Данил, цветов мало, ты же понимаешь? – она прикусывает нижнюю губу и жеманно передергивает плечами.

– Конечно, понимаю, – улыбаюсь наигранно и, приобнимая за талию, прижимаю к себе, – сюрприз никто не отменял и, как и говорил, подарок можешь выбрать сама.

– Только девочек нужно домой отвезти, – она смотрит на своих подружек, и в голосе слышится досада.

– Да, конечно, без проблем, – отвечаю ей.

– Нет, ребята, не волнуйтесь, – Марина находится первая, – мы с Татьяной сами, на такси, тем более уже вызвали, да и вообще, – девушки переглядываются, – в клуб поедем, домой еще слишком рано.

В этот момент раздается сигнал за нашими спинами, обернувшись, видим такси.

– Все, ребятки, пока-пока, – девочки быстро прощаются, чмокая друг друга в щеки и, словно разноперые птички, порхают в машину. Помахав на прощание, уезжают в ночь.

– Данил, – Элина прижимается ко мне всем телом и целует в губы, – сюрприз и подарок подождут до завтра, поехали домой.

Вытираю губы от блеска, во рту послевкусие алкоголя. Н-да, в последнее время Элина слишком часто выпивает, надо проследить за этим.

– Котенок, – черчу подушечкой пальца по плоскому упругому животу Энни хаотичные линии.

– М-м-м-м, – потягиваясь, будто кошка, ластится ко мне девушка.

Ложусь на бок, подпираю рукой голову и продолжаю оглаживать обнаженное тело жены уже ладонью. Спускаясь вниз, веду по бедру и ниже – к колену, а потом по внутренней стороне бедра обратно вверх. У Энни такая бархатистая кожа, хочется трогать ее постоянно.

– Давай заведем малыша, – говорю и задерживаю на мгновение дыхание в ожидании ее ответа.

До этого расслабленное тело девушки вмиг становится напряженным, она со злостью откидывает мою ладонь и резко поднимается с кровати.

– Умеешь испортить мгновение, Дань, – не стесняясь наготы, виляя бедрами подходит к витражному окну, толкает створку в сторону и выходит на лоджию. – Мы с тобой обсуждали эту тему, Дань, – в ночной тишине чиркает зажигалка, и в темноте мелькает красный огонек сигареты. – Я не готова размениваться только пошедшей в гору актерской деятельностью на какого-то вечно орущего ребенка, – она поворачивается ко мне, но выражение ее глаз скрывает в эту секунду выпущенное в мою сторону облако дыма. – Если тебе хочется, пусть это будет суррогатная мать. Только при этом условии я согласна, чтобы в нашей семье появился бэбик. – Элина тушит окурок и заходит обратно, закрывает дверь. – Тебе принести что-нибудь выпить? – спрашивает она, останавливаясь в дверях.

– Нет, – коротко отвечаю и откидываюсь на подушки.

Зараза. Как же бесит вот это лицемерие. Ну какой бы нормальный мужик разговаривал с женой о суррогатной матери? Да, твою мать Даня, только ты. Гребаный подкаблучник. Припоминаю всю нашу совместную жизнь в ускоренном режиме. Да никогда. Понимаю, что позиция Элины изначально была именно такой. Она всегда отнекивалась от материнства, сначала мотивируя тем, что мы молоды и надо пожить для себя, чуть позже стала травить байки про здоровье... Где мы только не были с ней: и в Израиле, и на Кипре, и на Мальдивах – все для моей девочки, вся для того, чтобы поправляла свое здоровье и набиралась сил, а потом... потом неожиданный взлет ее актерской деятельности – и все разговоры о ребенке в топку. А я чувствую, что мне пора становится отцом. Хочу наследника, хочу пацана, хочу, чтобы по квартире разносился не запах алкоголя и сигарет, а манной каши по утрам. Хочу слышать вместо пустого молчания детский смех.

– Даня, Даня-я-я, ты где витаешь? – рядом лежит Энни и вычерчивает своим острым коготком узоры у меня на груди.

– Задумался, – отвечаю и прижимаю ее руку. Любовные игрища мне стали вдруг не интересны. Захотелось спать.

– А какой меня ждет сюрприз, а? – лилейным голосом шепчет жена, облизывая мне губы.

– Твою мать, Энн, ты же знаешь, я этого терпеть не могу, – вытираю рот ладонью и отстраняю девушку от себя.

– Ты противный зануда, – дуется Элина и, укутываясь в простынь, поворачивается ко мне спиной, – бесишь таким поведением.

– Спокойной ночи, котенок, – целую ее в плечо, игнорируя нападки.

Спорить с пьяной женщиной хуже некуда, нужно быть умнее и вовремя соскочить со скандала.

Суррогатная мать, так суррогатная мать. В любом случае я еще раз попытался, и снова безрезультатно. Когда уже засыпал, перед глазами снова возникла девчонка с глазами цвета осеннего неба. Она с тоской и укором смотрела на меня, будто хотела обвинить в чем-то, а потом испарилась, словно лопнувший воздушный шарик, как будто ее и не было вовсе. Только, засыпая, почувствовал в груди гнетущее одиночество, неуютно расползавшееся по нутру..

Глава 6

Четыре месяца спустя.

Международный Центр

Репродуктивной Медицины (МЦРМ)

– Алевтина Марковна, – сжимаю между коленей вспотевшие ладони. Не думала, что разговор с гинекологом перейдет все рамки дозволенного с ее стороны, – я, конечно же, понимаю все ваши предубеждения и сомнения по поводу моего выбора, но вы не имеете права мне отказать.

Лезу в сумку и достаю договор, подписанный нами с Валерой, еще когда мы пришли сюда в первый раз.

– Вот здесь смотрите, – я открываю договор на нужной страничке, где мелким шрифтом написано "... в случае смерти одного из супругов все права на биоматериалы переходят ко второму", и указываю на эту строчку пальцем, даю врачу время прочитать. – Все верно?

Вдруг замечаю ее скошенный взгляд на мое запястье и тут же меняю правую руку на левую и прикрываю манжетой блузки неровный уродливый шрам, оставшийся после пореза лезвием.

– Все верно, Дарья, вы все правильно понимаете, – подтверждает мои слова врач.

– Тогда вижу ваше нежелание исполнять свои прямые обязанности, – сцепляю руки в замок и, выпрямившись в струнку, сижу на краешке стула и смотрю не отводя взгляда от мутно-синих глаз женщины.

– Я и не отказываюсь, – она устало опускает плечи.

Соглашусь: со мной после выписки из больницы действительно стало тяжело найти общий язык, но лишь потому, что все меня пытаются переубедить в намеченной мной цели. Пока лежала на больничной кровати, просчитывала каждый шаг, который сделаю, когда выйду на свободу. Нет, меня никто не держал насильно в клетке с железной решеткой на окнах, я лежала сама, потому что осознавала, что мне это действительно нужно, что не смогу без врачебной помощи находиться в том мире, где нет больше Валеры. А еще, когда очнулась в больнице и увидела поседевшего отца, чуть сердце не остановилось от боли. В тот миг казалось, что ничего не может быть больнее потери мужа и сына, но я была неправа – может быть больнее, и было. Просила прощение у родителей как одержимая и заливалась слезами от того, что могла причинить самым близким людям вселенскую боль.

– Тогда давайте не будем препираться – на это уходит слишком много сил, а они у меня сейчас не лишние. На носу международная выставка фотографий, и я хочу в ней принять участие, – примирительно улыбаюсь ей.

– Конечно же, я слышала о выставке. Припоминаю, что вы, Дарья, фотограф, – она полистала документы и, цокнув языком, наконец-то посмотрела на меня. – Если вы уверены, что хотите повторное ЭКО – так тому и быть.

Алевтина Марковна встает и подходит к выдвижным ящикам железного сейфа, а я, пока она меня не видит, тихо хлопаю в ладоши и широко улыбаюсь. Женщина достает папку синего цвета и возвращается обратно. Поток холодного воздуха, что дует из кондиционера, подхватывает аромат ее духов и разносит по помещению, наполняя его приторно сладким ароматом жасмина.

Гинеколог-репродуктолог Алевтина Марковна Белозуб одна из самых востребованных врачей в Питере. К ней месяцами стоят в очереди бездетные пары, потому что после ее волшебного колдовства ни одна девушка или женщина не уходила от Белозуб не забеременев. Вот и мы когда с Валерой пришли к ней впервые, сразу же прониклись к Алевтине Марковне

доверием. В тот момент мы были просто опустошены его диагнозом «бесплодие», и если бы не Белозуб, то решали бы вопрос об усыновлении малыша.

– Тьфу, – посмотрев анализы, засмеялась тогда женщина, – что это за ересь? Кто вам написал все это? Не верю! – она взяла чистый лист и быстро начала что-то строчить, мы толком тогда с Валеркой ничего и не поняли. – Предупреждаю сразу, – сказала она не глядя на нас, – анализы и процедуры будут стоить дорого, но у вас есть возможность сэкономить на самом ЭКО – нужно будет собрать необходимые документы и подать их в ту государственную поликлинику, к которой вы прикреплены на получении квоты.

– Нет уж спасибо, мы как-нибудь обойдемся, правда, мальш? – Валера сжимает мою ладонь, и я улыбаюсь.

После того судьбоносного посещения Белозуб и после небольшого обследования и проведения самого ЭКО, через месяц мы с Валерой не знали пределов радости. У нас все получилось. На тесте, который я сделала по настоянию мужа в первый же день задержки, было две полоски.

– Дарья, тогда выбор даты подсадки эмбриона за вами, – врач поворачивает ко мне календарь с отмеченными датами "можно" и я выбираю ближайшую.

– Двадцать пятое июля, – она еще раз сверяет числа, и довольная улыбка растягивает ее губы, – тогда до встречи через три недели. – Она провожает меня до двери, и уже когда мы стоим на пороге, чуть приобнимает меня за плечи. – И еще раз примите мои соболезнования. Такое горе не каждый способен пережить, но вы просто обязаны это сделать Дарья, теперь у вас есть цель.

Я благодарю женщину и выхожу в широкий коридор сегодня как ни странно пустой. Когда мы с Валерой были здесь последний раз, тут яблоку негде было упасть, а сегодня оглушающая тишина – необычное явление для такого места. Поэтому цокот моих каблучков эхом разносится по коридору. Мне становится не по себе, по спине пробегают мурашки, я ускоряю шаг и лишь когда добираюсь до лифта, облегченно вздыхаю.

Поднимаю глаза на электронный циферблат и слежу за цифрами: 15, 14, 13, 12... Двери открываются на 11 этаже, и я захожу внутрь. Слышу посторонние голоса, доносящиеся до меня из глубины коридора, но они не успевают дойти – двери лифта закрываются.

Я внимательно рассматривал молодую женщину, сидящую напротив меня. Коротко стриженные русые волосы, чуть полноватое лицо, тонкие губы и небольшой нос – ее внешность не отпугивала, но и не притягивали. Абсолютно обычная среднестатистическая женщина тридцати трех лет.

– ...Ольга Ивановна у нас на хорошем счету, – продолжал расхваливать женщину Вербицкий, – мама троих детей, добрая, отзывчивая, чистоплотная и, самое важное, покладистая и не скандальная особа. – Мужчина искренне уверен в том, что говорит, в его словах не слышно ни капли игры, да и вряд ли из него вышел бы хороший актер – все эмоции отражаются на лице. – Это самая лучшая кандидатка на роль вашей суррогатной мамы.

– Сколько по времени будет еще длиться собеседование? – негромко спрашивает Элина, но делает это так, чтобы слышали ее все.

– Энн... – вскидываю бровь и вкладываю в эти три буквы определенный смысл.

– Что? Мне на репетицию надо, – возмущенно поджимает губы и что-то быстро печатает на "ожившем" экране телефона.

– Ольга Ивановна уже готова к подсадке эмбриона, со всеми анализами вы можете ознакомиться здесь, – он передает через женщину объемную папку.

Беседа идет своим чередом. Все предпочли проигнорировать поступок жены, по крайней мере внешне, никто не выказал своего изумления ее поведением, но во взглядах я все же успел заметить неодобрение.

– Спасибо, Андрей Васильевич.

Я быстро пробежался глазами по анализам, хотя что я в них мог понимать? Конечно, основные и часто произносимые медицинские термины могут рассказать об общем состоянии здоровья, но не больше. А по тому, как ведет себя Элина, понял, что придется полностью довериться словам репродуктолога и положиться на его репутацию и положительные отзывы знакомых и друзей. Да и что я могу понимать в суррогатных матерях, если ни разу не был знаком с ними лично? По мне это должна быть женщина, которая согласилась выносить для нас ребенка за немалую сумму – вот и все.

– Элина, – привлекаю внимание супруги, – что ты думаешь по поводу Ольги... – еще раз смотрю на женщину и понимаю, что согласие жены мне совершенно не интересно – я уже все решил сам, – Ольги Ивановны. Да и Андрей Васильевич нам полностью подходит.

Энни скользнула по мне мимолетным взглядом и снова уткнулась в голубой экран телефона.

– Тогда давайте перейдем к подписанию договора, – запыхтел мужчина и, засуетившись, начал собирать документы, разложенные на столе.

– Все будет хорошо, не переживайте, – подала голос женщина, – в договоре все пункты стандартны, – она мило улыбается.

– У вас красивый голос, – не заставила Энни себя долго ждать, зачем она только влезла? Непонятно.

– Спасибо, – отвечает женщина и отводит взгляд в сторону.

– Вы нашему бэбику обязательно пойте колыбельные, мне кажется, ему понравится.

Жена наконец-то отложила телефон и включилась в беседу – почувствовала скорую развязку этой затянувшейся беседы. Вербицкий весь подобрался и теперь уже перед нами сидел не главврач репродукционного центра, а продавец товаров и услуг.

– Подписать нужно здесь, здесь и здесь, – он указывает на отмеченные галочкой строки, и мы с Элиной ставим подписи возле каждой из них.

– Здесь подпись ставит суррогатная мать... Ольга Ивановна, здесь, – он указывает, где нужно расписаться женщине, – ну и последнее и самое важное – осталось определиться с датой.

Вербицкий достает календарь и еще одну папку, только в этот раз она тонкая. Перелистывает медленно страницы и останавливается на последней. По выражению лица видно, что просчитывает что-то. Мы все трое переглядываемся, только в отличие от наших с Элиной вопрошительных взглядов, Ольгин отличается спокойствием и холодностью к происходящему, ведь она в курсе того, что делает главврач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.